

Р а д м и р Ж у к

Последний подарок

Посмертное донорство — это безвозмездная передача собственных органов после наступления смерти.

Последний подарок, который может сделать человек...

18+

Радмир Жук

Последний подарок

«Автор»

2019

Жук Р. Р.

Последний подарок / Р. Р. Жук — «Автор», 2019

Посмертное донорство – это безвозмездная передача собственных органов после наступления смерти. Последний подарок, который может сделать человек. Главный герой книги, двадцатисемилетний петербуржец Роман, приходит в себя в незнакомом кафе. Он не помнит, что произошло с ним утром, а знакомство со странным человеком, называющим себя проводником, не сулит главному герою ничего хорошего. Так что произошло на самом деле? И, что если, слова проводника, утверждающего, что Роман скончался в автомобильной аварии, окажутся правдой? В этом случае главному герою придется довериться таинственному незнакомцу, решить, кто перед ним - ангел или демон, а после, поведать ему свою самую страшную тайну...

© Жук Р. Р., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Часть первая	6
2. Питер?	13
3. Витрина	26
4. Дом	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Радмир Жук
Последний подарок
ПОСЛЕДНИЙ ПОДАРОК

Часть первая

1. Незнакомец

Кофе. Я уже и не помню, когда в последний раз пил его. Не помню, что бы кофе был моим любимым напитком. Собственно говоря, не помню, как и эта чашка оказалась передо мной, и...

Как я вообще оказался в этом кафе? Да и кафе ли это?

Я огляделся. Первое, что бросилось в глаза это то, что сижу я практически в центре просторного помещения. С обеих сторон от меня расположено по два ряда столов, но, если бы они находились чуть ближе друг к другу, рядов могло быть немного больше. Хотя, скорее всего, и этих столов достаточно для того количества посетителей, что здесь бывает. Как минимум сейчас их практически нет. Всего два человека.

Слева, в самом углу, я вижу молодую, рыжеволосую девушку. На ней зеленая кофта, на запястье блестят часы, черная куртка висит на спинке соседнего стула. Не отрываясь от своего телефона, девушка торопливо ест пирожное, кромсая его слишком уж большой для этого занятия ложкой.

Справа, у самого окна, сидит мужчина интеллигентного вида. Серый костюм, задумчивый вид, на кончике носа удобно устроились небольшие очки. Чуть завалившись на бок, и закинув ногу на ногу, мужчина увлеченно читает газету, а в пепельнице на его столе дымится забытая сигарета.

Больше никого нет, если не считать белого, пушистого кота с огромными, голубыми глазами, непонятно как оказавшегося здесь, но при этом вальяжно, и по-хозяйски развалившегося на стуле за соседним столиком. Кот безучастно смотрит в пустоту, и, кажется, вот-вот уснет. Все остальные столы пусты, на них только сахарницы и салфетки.

Я обернулся. Недалеко от меня я вижу барную стойку. На ней стоит радиоприемник, из которого, периодически прерываясь помехами, едва слышно доносится музыка. Тут же совсем позабыв о своей работе, о чем-то шепчутся две молоденькие официантки. Обе с темными волосами, высокие, худые, и отличаются друг от друга, разве что обувью. На одной белые кроссовки, на другой серые слипоны.

Я еще раз осмотрелся. Странное место. С обеих сторон от меня, причем заметно выше моей головы, находятся по паре больших окон, сквозь них в помещение попадает дневной свет, но здесь все равно очень мрачно. Не знаю почему, но у меня такое ощущение, словно это заведение сошло прямиком со старых, пожелтевших фотографий, которые я так ненавижу. Все это придает кафе какую-то особую, холодную атмосферу...

Да, это однозначно кафе, но, что-то смущает меня в нем. К тому же все еще открытым остается вопрос – как я тут очутился?

Я закрыл глаза, быть может, вспомню это...

–Ваш кофе, Михаил Федорович, -незнакомый голос тут же заставил меня отвлечься от мыслей.

Я вздрогнул, открыв глаза и увидев, что рядом со мной стоит официант. Удивительно, как этот высокий, крепкого телосложения молодой человек так бесшумно подошел к моему столику. Но, его голос, взгляд, и улыбка направлены не на меня, а на того, кто сидит напротив. Это пожилой мужчина лет под семьдесят, а, может быть, и старше. Строгий черный костюм хорошо сидит на его широких плечах, ибо ростом он явно выше среднего. Короткие седые волосы особенно подчеркивают его широкий лоб, темно-карие глаза с любопытством разглядывают меня. На его тонких губах застыла едва заметная улыбка.

Странно, и как я его не заметил? Получается, он подсел только что? Лицо его как будто мне знакомо, но вспомнить его я не могу. Единственное, что я знаю об этом человеке, это имя произнесенное официантом.

Официант, к слову, на несколько секунд задержался у стола, а затем удалился. Я проводил его взглядом, после чего посмотрел на незнакомца.

По всей видимости, я выгляжу совсем уж потерянным, потому как человек напротив тут же поинтересовался:

–Простите, с вами все хорошо? –прозвучал тяжелый, монотонный голос.

– Да, -в легком недоумении ответил я, и едва заметно кивнул.

«Кто вы?» – я едва удержал этот вопрос на своих губах.

Как это глупо, спрашивать подобные вещи, ведь если из всех столиков незнакомец выбрал именно мой, то, получается, что с ним я и должен здесь встретиться. Да, и, скорее всего, эта встреча связана с работой. Но, я не помню, что бы на сегодня у меня было что-то запланировано...

Я вновь посмотрел на незнакомца. Он сидит неподвижно, сверля меня тяжелым взглядом. Может, он сможет мне все объяснить? Тогда, как мне начать разговор? Но, начинать мне его не пришлось, человек напротив бросил взгляд в окно, и сам спросил меня:

–Хороший день, не правда ли?

–Да, -неуверенно ответил я, не отрывая глаз от своего собеседника, который сначала взглянул на свою чашку, затем снова посмотрел на меня.

–Вы знаете, еще утром шел дождь, а сейчас от него не осталось и следа, -произнес старик, после чего плавным движением взял чашку, и поднес ее к своим губам.

Сделав глоток, незнакомец поморщился, взгляд его устремился к центру стола, и остановился на сахарнице.

–Будьте добры, передайте мне сахар, -дружелюбным тоном попросил незнакомец.

Сделал он это как-то обыденно, словно мы с ним каждый день вместе выпиваем по несколько чашечек кофе. Как бы то ни было, мои руки поспешили выполнить эту просьбу. Неторопливо размешав сахар, незнакомец сделал глоток, и закрыл глаза.

–Превосходно, -прошептал он.

Открыв глаза, человек напротив с еще большим энтузиазмом принялся рассматривать меня, затем он сделал несколько глотков, едва прикоснулся салфеткой к губам, а после, спросил:

–Люблю сладкий кофе, а вы?

Я равнодушно пожал плечами. Удивительно, пару мгновений назад я и сам вспоминал, люблю ли этот напиток, но, так этого и не вспомнил. Как и не помню того, давно ли уже нахожусь в этом заведении, обстановка в котором, тем временем, немного изменилась.

Рыжеволосая девушка накинула куртку, и в спешке покинула кафе, оставив на тарелке кусочек пироженого, а кот, свернувшись в клубок, уже спит на стуле, что вызвало улыбку на лице моего собеседника.

–Роман Сергеевич, я вижу, вы не очень-то разговорчивы, -произнес старик, переводя на меня свой взгляд.

«Роман Сергеевич» – как гром среди ясного неба разразилось в моей голове. Чего я действительно не ожидал, так это услышать собственное имя. Хотя, с другой стороны, если у нас запланирована здесь встреча, то, человек напротив, несомненно, должен знать меня.

Но, почему я не могу его вспомнить?

Мои глаза жадно начали разглядывать лицо напротив, пытаюсь вспомнить седовласого незнакомца, но... все тщетно. Все это напоминает, то чувство, когда ты не можешь вспомнить до боли знакомое слово, что вертится на кончике языка.

Человек напротив будто бы специально дает мне возможность лучше разглядеть его, и сидит неподвижно. Он оставил меня наедине с моими мыслями, и, вскоре я задал единственный интересующий меня вопрос:

–Простите. Разве, мы знакомы?

–Несомненно, -пригубив кофе, ответил мой собеседник. –Роман Сергеевич, неужели вы не помните, где мы с вами познакомились?

–Не совсем, -буркнул я, и посмотрел на открывающуюся входную дверь за спиной старика.

В кафе вошла молодая девушка, лет двадцати. За руку она держит маленького мальчика. На нем темная куртка, штаны, кроссовки. Окинув взглядом весь зал, мальчик повернул налево, и направился к столику в самом углу. Девушка на мгновение задержалась у двери. Она достала телефон, и похоже, что начала набирать чей-то номер, затем девушка подняла голову, и, увидев за какой стол садиться мальчик, направилась к нему. В окружающей нас тишине, растворившей в себе даже музыку из радиоприемника, стук ее каблучков слышен особенно звонко.

Я не отрываю глаз от девушки. На ней багровая косуха, джинсы, черные сапоги, чуть ли не до колена. Девушка подошла к столу, и что-то сказала мальчику, после чего он расстегнул свою куртку. Спустя секунду девушка сняла верхнюю одежду, и начала с кем-то разговаривать по телефону.

Странно. Незнакомец сказал, что от утреннего дождя не осталось и следа, но косуха, которую девушка вешает на спинку стула, вся мокрая. Такое чувство, что эти двое оказались здесь не просто так. Они прячутся от дождя. Неужели на улице все еще дождь?

Я посмотрел в окно. Сквозь пыльные стекла пробиваются солнечные лучи. Тогда, где эти двое умудрились так промокнуть?

Я помню, утром был дождь, я накинул на себя ветровку, и поехал на работу. Получается, с утра на мне был костюм. А, сейчас? Белая футболка, джинсы, и любимые кеды. Черт возьми, и где я успел переодеться?

–Что-то случилось, Роман Сергеевич? –спросил незнакомец, отодвигая от себя чашку.

–Нет, нет, -поспешил я успокоить, то ли себя, то ли человека напротив. –Все хорошо. Где вы сказали, мы познакомились?

Откинувшись на спинку стула, мой собеседник пристально посмотрел на меня. Лицо его приобрело серьезный вид, он стал похож на профессора, и голос его звучит соответствующе:

–Роман Сергеевич, если вы не помните, где это произошло, то боюсь мои слова покажутся вам немного странными, потому как познакомились мы с вами в больнице.

–В больнице? –удивился я.

–Да, все верно. Она находится недалеко от этого кафе, -без единой эмоции в голосе, ответил мой собеседник, и, немного осмотревшись, добавил. –Это мое любимое кафе. Мне часто приходится бывать здесь.

–Простите. Михаил Федорович, кажется, так вас зовут? –уточнил я, и после того как старик кивнул, продолжил. –Сегодня я никак не мог быть в больнице, я был на работе.

–Роман Сергеевич, вы в этом уверены?

–Конечно.

–Тогда позвольте узнать, почему сейчас вы не на работе?

–Пришел выпить кофе, -машинально ответил я, стараясь в эту секунду не только узнать заведение, в котором нахожусь, но, и вспомнить, как я вообще здесь оказался.

–И, часто вы приходите сюда во время работы?

–Эм... – все слова разом сбежали с моего языка. –Нет, не часто, -спустя несколько секунд, все же выдавил я из себя.

–Ну, хорошо. А, давно вы здесь? –не унимается мой собеседник.

–Нет. Что за допрос?

Но, человек напротив словно не услышал меня, он несколько секунд помолчал, после чего, все так же без единой эмоции в голосе, произнес:

–Ошибаетесь, Роман Сергеевич. Мы пришли сюда не больше минуты назад.

–Мы? -я вложил в это короткое слово все свое недоверие. -Хотите сказать, мы пришли вместе?

–Разумеется.

–А, вот это вряд ли. Я даже не уверен, что мы знакомы.

–Интересное заявление, для человека, у которого проблемы с памятью, -скривив губы в улыбке, произнес старик, после чего спросил. –Роман Сергеевич, тогда как вы объясните то, что я знаю ваше имя?

Я пожал плечами.

–Может, кто-то сказал вам это?

–Что же, очень даже может быть, -старик наклонился чуть ближе к столу. –Все же если постараетесь, то, непременно, вспомните, что сегодня вы все-таки были в больнице, и, что именно вы сообщили мне свое имя.

Я ничего не ответил.

Я просто хочу прекратить это мучение, но, седовласый профессор напротив будто бы экзаменует нерадивого студента. Все же я знаю ответ на его вопрос – меня сегодня не было в больнице. Но, как я докажу это, если толком ничего не помню? Значит, я должен вспомнить. Должен.

Я проснулся до будильника. Да, однозначно. Принял душ, затем позавтракал. Все как обычно. Помню, как собирался на работу, и долго не мог найти ключи от автомобиля. Затем дорога, был дождь, и...

Не помню, я приехал на работу или нет? Может, я заскочил сюда по пути на работу? Или, сегодня выходной, и, я уже освободился? Тогда, какой сегодня день недели? Кажется, вторник...

Что происходит? Почему я ничего не помню?

... и это странное кафе...

–Роман Сергеевич, это нормально ничего не помнить. Тем более, вы сильно ударились головой, -неожиданно вмешался профессор.

–Что, простите?

Мой собеседник повторил.

– Роман Сергеевич, вы сильно ударились головой.

–Да, что вы несете? –едва не прокричал я. –Кто вы вообще такой?

–Воооот, -как-то протяжно произнес человек напротив. –Теперь вы задали правильный вопрос, -добавил он.

В голосе профессора я услышал нотку похвалы в мой адрес. Мой собеседник оживился. Кажется, именно этот вопрос он ждал от меня.

–Роман Сергеевич, я ваш проводник, -как-то, по-особенному профессор произнес эту фразу.

На моем лице появилась улыбка. Станный диалог. Странное кафе.

Я взял чашку с кофе, и приблизил ее к своим губам, тут же почувствовав на них горький вкус напитка. Я сделал глоток и поставил чашку на стол, затем выпрямился, и посмотрел на профессора. Он, снова откинувшись на спинку стула, внимательно наблюдает за каждым моим движением, за каждой моей эмоцией.

Возможно, где-то в глубине души я уже жалею, что заговорил с этим человеком, но сейчас, непонятно по какой причине, будто бы невольно, я продолжил диалог:

–Проводник вы сказали? И, зачем он мне нужен? -спросил я.

–Для того чтобы вы не заблудились здесь, –тут же ответил старик, словно он ждал этот мой вопрос.

Недоверие на моем лице, кажется, убавило пыл Михаила Федоровича, но выражение его лица четко дало мне понять, что он не сойдет с намеченного пути. Мысли неуправляемым потоком закружились в моей голове, рождая сотню, а, может быть, и тысячу вопросов, но из всех этих вопросов я выбрал тот, что интересует меня сейчас больше всего.

–Где здесь? –спросил я, услышав недовольство в собственном голосе.

Михаил Федорович ответил не сразу. Сначала он перевел взгляд на пустую чашку перед собой, затем посмотрел на меня. Его темно-карие глаза блеснули, как блестят глаза полные слез, но это иной блеск. Холодный. От него у меня даже пробежали мурашки. Затем Михаил Федорович вновь наклонился к столу, и произнес своим монотонным голосом:

–Здесь. Там, где люди оказываются после смерти, –следом профессор перешел на шепот. –Роман Сергеевич, вы умерли сегодня утром.

«Сумасшедший!» – это слово застыло на моих губах, но в последний момент, я заставил замолчать себя. Сомнений нет! Передо мной сумасшедший! Душевнобольной! Шизофреник!

Михаил Федорович парировал все мои мысли лишь легкой ухмылкой.

Еще этого мне не хватало, связываться с сумасшедшим. И, что я должен ему на это ответить? Согласиться с ним? Согласиться, что я мертв? Но, ведь вот он я, жив, здоров! Сажу в кафе, наслаждаюсь жизнью, и, осознаю какой бред, несет этот старик! Или, может, я не так его услышал?

Я посмотрел на профессора, и поспешил уточнить.

–Простите, вы сказали, что я умер?

–Все верно, –как ни в чем не бывало, ответил мой собеседник, и потянулся к внутреннему карману пиджака.

Все еще не понимая, что здесь происходит, я не отрываю взгляд от человека напротив.

Все его движения неспешны. Я где-то читал, что при некоторых психологических расстройствах движения становятся заторможенными. Этот человек однозначно сумасшедший. Ведь теперь внимание старика переключилось на блокнот, что покоился в кармане его пиджака. Этот небольшой, но достаточно толстый блокнот легко помещается в ладонь моего собеседника, и чем-то напоминает маленькую книжку. Только на ее черной обложке нет ни единой надписи.

Следом профессор достал ручку из бокового кармана, и, открыв блокнот, чуть ли не на последней странице, начал в него что-то записывать.

Я остался наедине со своими мыслями.

И, что мне делать дальше? Все-таки не часто я сталкивался с душевнобольными людьми. Если честно, я с ними вообще никогда не сталкивался, что бы вот так, один на один.

Я еще раз прокрутил в голове нашу встречу с этим человеком.

Вот он пристально наблюдает за моей реакцией, расспрашивая меня, то о погоде, то о кофе. Затем говорит мне, что я умер, и, делает это так, словно сообщает мне, о чем-то обыденном, о том, что случается со мной чуть ли не каждый день. А, сейчас он что-то записывает в блокнот, будто меня здесь и вовсе нет. Бред. Все его слова полный бред. Я умер? Конечно, нет. Но, чего я добьюсь, начав с ним спор? Ровным счетом ничего, а то и хуже, ненароком вызову у него агрессию. Раз уж он убежден, что я мертв, то пусть так оно и будет...

–Это не только мое убеждение, это истинное положение дел, –вдруг произнес старик, убирая ручку в карман.

–Что, вы сказали? –спросил я, зная, что ничего не произносил вслух. –Как вы...?

–Не важно, Роман Сергеевич. Но, чем скорее вы поймете, что вы умерли, тем лучше.

–Это невозможно! –ответил я, понимая, что уже начал спорить со своим собеседником, хотя еще секунду назад убедил себя, что не стану этого делать.

Но, мои слова ничуть не смутили профессора.

–Понимаю, это сложно принять, –произнес старик, и несколько секунд помолчав, добавил. –Знаете, порой люди предпочитают отрицать очевидное.

–Очевидное? Это не может быть очевидным! Ведь вот он я! Как я мог умереть? Хотя нет! –остановил я себя. –Не отвечайте! Я не хочу этого знать!

Профессор улыбнулся, и убрал блокнот в карман.

Немая пауза длится уже минуту, может больше. Я смотрю на человека напротив, то и дело, переводя свой взгляд куда-нибудь в сторону.

Я так и не вспомнил, как оказался в этом кафе, и для чего пришел сюда. Но, наверное, сейчас это не так важно, как этот странный человек. В нем есть что-то пугающее. Неужели, он читает мои мысли? Я точно знаю, что не произносил, те слова вслух. Мог ли он случайно сказать фразу, которая так удачно подошла к моим размышлениям? Да, наверное, мог. Но, как он узнал мое имя? И, что если он, действительно, читает мысли? Даже если это так, я все равно не верю ни единому его слову. И, вообще мне все это надоело. Я должен скорее покинуть это место.

–Значит, вы мне не верите, –голос моего собеседника уже обыденно нарушил тишину. – Впрочем, ничего нового.

–Не верю, –пробормотал я, и закрыл глаза.

«Вы мне не верите» эхом повторилось в моей голове. Как же спокойно, и будучи полностью уверенным в своей правоте говорит он. Но, это не может быть правдой... Нет, я вам не верю, Михаил Федорович. Не верю...

–Что же, очень жаль, –произнес профессор, и его голос на этот раз мне показался неестественно далеким.

Я открыл глаза.

Вокруг все изменилось. Кафе стало намного меньше, или мне это уже кажется?

Я снова огляделся. Все те же стены, те же окна, но здесь стало заметно темнее, хотя теперь над нашими головами тускло горят лампы, на которые до этого я, наверное, просто не обратил внимание.

Но, куда делись посетители? Я не заметил, как опустело кафе. Нет ни мужчины с газетой, ни девушки с маленьким мальчиком, пропали официантки, и даже кот, спавший на стуле, куда-то исчез.

Зато музыка, доносившаяся из радиоприемника, звучит намного громче. Теперь она не прерывается помехами, а только противно шипит, словно играет старый, виниловый проигрыватель. Я прислушался. Кажется, играет что-то еще довоенное, и от этой музыки у меня начинает болеть голова. Тут же я вспомнил слова профессора о том, что я сильно ударился.

А, что если это правда? Что если я действительно ударился головой? Поэтому я ничего не помню, поэтому я был в больнице, где и познакомился с этим человеком, а сейчас он решил подшутить надо мной. И, снова я слышу его тяжелый голос в своей голове.

«Роман Сергеевич, вы умерли сегодня утром».

Почему эти слова так задели меня?

Нет, они не могут быть правдой. Не верю! Не верю!

Я хочу закричать. Мне становится дурно, стены начинают давить, даже этот тусклый свет режет мне глаза. Я чувствую, как головная боль усиливается. Мне нужен глоток свежего воздуха.

Я посмотрел на Михаила Федоровича.

–Я должен идти, –как можно спокойнее сказал я.

–Куда? –как-то безучастно поинтересовался человек напротив.

–Простите, простите, я спешу, –внутренняя истерия, кажется, переходит и на мою речь. Головная боль усиливается. –Я спешу...

«Выход».

Вот он путь к отступлению. Неестественно ярко горящий, спасительный маяк над входной дверью, и я иду к нему, как корабль во время шторма.

Я не помню, как встал из-за стола и прошел половину зала. Мысли. Я не попрощался со своим собеседником. Нет, я спешу, спешу...

–Спешить больше некуда Роман Сергеевич, неужели вы этого еще не поняли? -монотонный голос Михаила Федоровича хоть и настиг меня у самого выхода, но остановить уже не смог.

Все свои двадцать семь лет жизни я прожил в Санкт-Петербурге. Я знаю его улицы, небо, погоду, запахи. Я люблю свой город, и он всегда отвечал мне взаимностью. Всегда? Только не сегодня. И, дело тут вовсе ни в странном собеседнике, ни в том, что я не помню сегодняшнее утро, дело в том, что выйдя на улицу, я не узнал свой город. Нет, нет, это Питер. Однозначно. Но, что-то в нем поменялось...

Словно зверь, оказавшийся на чужой территории, я стараюсь поймать каждую деталь окружающего меня города, и первое, что меня поразило – это воздух. Это смесь запахов, я бы сказал ароматов: легких, утренних, свежих, несвойственных большому городу.

Вдох. Поток, направившийся в мои легкие, едва не разорвал их. От неожиданности я, кажется, должен был закашлять, но понял, что по какой-то причине не могу этого сделать. Я не могу нарушить тишину частью, которой я стал. Обычно оживленная улица, почему-то пустынна, ни людей, ни машин, ни единого источника шума. Только я, город и тишина. А, еще свет. Он льет ярким потоком, освещая все вокруг.

–Который час? –спросил я, адресуя свой вопрос в пустоту.

Мои руки машинально начали ощупывать карманы в поисках телефона. И, как я не подумал о нем раньше?

Не обнаружив у себя телефон, я бросил взгляд на дорогу. От утреннего дождя действительно не осталось и следа. Должно быть, уже полдень или...

–Восемь часов утра, 8:03, если быть точнее, -мне не нужно оборачиваться, что бы понять, кому принадлежит этот голос.

–Слишком солнечно для утра, -возразил я.

–Не удивляйтесь, Роман Сергеевич, для вас отныне всегда будет 8 часов утра. 8:03, как я уже сказал.

Любопытство все же заставило меня обернуться. 8:03, почему такая точность? Что же здесь происходит?

Не дожидаясь моих вопросов, Михаил Федорович продолжил:

–Роман Сергеевич, я думаю, вы о многом хотите спросить. Давайте все-таки прогуляемся, поговорим. Вы ведь не против? –спросил профессор, и на мгновение задержал на мне свой взгляд.

Удивительно, но теперь этот старик не то что бы внушает доверие, по крайней мере, он больше не кажется мне безумцем. Даже не смотря на то что, не дожидаясь моего ответа, погладив лацканы своего пиджака, он не спеша сошел с крыльца, и отправился вдоль улицы. Что-то необычное есть в его походке, идет он медленно, слегка наклонившись вперед, и убрав руки за спину.

Мои ноги сами отправились вслед за профессором, в эту секунду я знал, что нуждаюсь в этом человеке намного больше, чем мне показалось в первый раз.

2. Питер?

Темнота. Давящая со всех сторон всепоглощающая темнота и больше ничего. Я пытаюсь понять, что происходит, но все безуспешно. Каждая попытка сосредоточиться встречает сопротивление в виде адской головной боли...

Это будто кошмарный сон, тот момент, когда ты падаешь с огромной высоты, осознавая, как близок твой конец. Я надеюсь, что все это вот-вот закончится, и я проснусь, но вместо этого лишь продолжаю падение в пустоту.

Вскоре уже страх охватывает каждую клеточку моего тела. Я никогда не боялся темноты, но на этот раз это совершенно иной страх. Инстинкт. Понимание того, что именно в темноте прячутся самые страшные монстры. А, сейчас я заложник темноты, я ее часть, я словно погребенный заживо. Брошенный умирать в одиночестве.

От бессилия я стараюсь закричать, но не слышу собственного голоса. Я парализован. Я не могу открыть глаза, не могу встать, не могу даже пошевелиться, что-то сковало меня и мои мысли. Оно не дает мне свободу. Оно не дает мне вдохнуть. Оно затягивает меня все глубже в темноту, пронзая все мое тело ноющей болью.

Вдруг яркая вспышка разрезала крошечную тьму. Я машинально зажмурил глаза стараясь защититься от света, но все мгновенно исчезло, оставив после себя лишь незамысловатые фигуры, которые все еще плавают передо мной словно десяток белых медуз.

Что это было?

Всего лишь секунда, но она вернула меня к жизни, мгновенье, подарившее надежду. Может быть, монстр, утягивающий меня в бездну, не так уж и страшен? Возможно, есть способ убежать от него?

Но, нет. Монстр снова побеждает. Он сжимает меня еще сильнее. Его щупальца проникают в мое подсознание. Он вокруг меня. Он внутри меня. Он тащит меня в темноту.

Страх перерастает в панику.

Что происходит? Что это была за вспышка?

Увы, ответа мне ждать неоткуда, поэтому я добровольно отдаю себя на растерзание монстру. Но, к моему удивлению я обнаружил, что на этот раз я не один. Сквозь пустоту пробиваются чьи-то голоса...

Я прислушался. Они, то становятся громче, то грозят замолкнуть навсегда, вновь бросив меня одного в этой темноте. Но, чьи они? Мужчина? Женщина?

Мне понадобилось некоторое время, что бы понять, что голоса принадлежат нескольким людям. Троим минимум.

О чем они говорят?

Я слышу слова, до боли знакомые мне слова, но не могу понять, что они значат.

Еще одна вспышка. Намного ярче предыдущей. Первое, что я заметил это то, что все голоса куда-то исчезли. На их место пришел звон. Противный добирающийся до глубин мозга звон...

Щупальца монстра разжались. Он отпустил меня. Он остался где-то там в темноте. Сейчас вокруг меня свет. Яркий свет, и этот душераздирающий звон.

Я хочу убежать от него, перестать его слышать, хочу закричать, но, я все еще парализован или...

Путем невероятных усилий я смог пошевелить пальцами правой руки. Голоса с новой силой обрушились на меня, оттеснив звон на второй план, но, как оказалось, это было лишь мгновенье, и вскоре я вновь потерял их. Боюсь на этот раз уже навсегда.

Прошло еще полминуты, по крайней мере, мне так кажется. За это время я уже привык к звону, который напоминает о моем бессилии. Страшное чувство того, что ты ничего не можешь сделать. Мне знакомо это чувство. Мне было двенадцать, когда умер отец. Помню я сидел в углу комнаты и плакал, чувствуя себя беспомощным. Маленький двенадцатилетний мальчик. Что я мог тогда сделать? Ничего. Разве что закрыть глаза и закричать.

Но, сейчас тот мальчик вырос, выросли его страхи, выросли его монстры, живущие в темноте, и напоминающие о его проступках. Монстры, которые так долго меня ждали. И, как теперь я смогу сбежать от них? Точно так же как и тогда, по-детски, наивно, закрыв глаза и закричав.

Я зажмурился, что есть сил. Что я хочу увидеть, если смогу открыть глаза? То, что все это мне привиделось. Что нет никаких монстров. Что я снова смог убежать от них.

Секунда.

Я открыл глаза, но крикнуть уже не смог.

Что происходит? Я лежу. Возле меня люди. Я вижу лишь их силуэты. Их трое. Именно им принадлежат голоса. Я уверен, и сейчас бы услышал их, если бы не этот звон, что сливается с ярким светом.

Только через несколько секунд я, кажется, начал понимать, что происходит.

Вспышки. Коридор. Больница. Врачи.

Я стараюсь разглядеть лица, но мои глаза тут же закрылись...

Свет сменился темнотой. Монстр лишь играл со мной, он подарил мне надежду, и когда она засверкала во мне, он забрал меня в темноту. Его щупальца вновь окутывают меня, медленно, словно паук, что затягивает глупую муху в свои сети.

... я не могу больше сопротивляться...

Еще немного, и все исчезло. Звон ушел в пустоту, ушли голоса, боль.

Я погружаюсь в темноту...

Темный фон. Могильный крест из сигарет, и огромные белые буквы со страшным смыслом – «ВАШЕ ВРЕМЯ УХОДИТ».

Интересно, читает ли кто-нибудь, что написано на этих рекламных щитах? Лично я делаю это очень редко. Но, сейчас, когда мои глаза только-только привыкли к свету, именно этот щит привлек мое внимание.

Я уже видел его, когда-то давно. Несколько попыток вспомнить, где именно это произошло, так и не увенчались успехом, зато в моей памяти ожили эмоции, что он у меня тогда вызвал. И вот они, вновь настигли меня. Мрачные. Таинственные. Словно в этом темном фоне прячется нечто, что намного страшнее самих сигарет. Думаю, этот щит в виде небольшой брошюры удачно вписался бы в атмосферу кафе, которое мы недавно покинули.

Удивительно, а ведь я ненадолго и вовсе забыл про кафе. Сложно сказать, как далеко мы уже отошли от него. Должно быть, метров десять, может, чуть больше, но этого оказалось достаточно для того, что бы мои легкие немного привыкли к воздуху. Они уже не так отчаянно сопротивляются каждому вдоху.

Сделав еще несколько шагов, я почувствовал, что медленно начала отступать и головная боль, терзавшая меня за столом. В надежде, что она окончательно исчезнет, как только я увижу отдаляющееся крыльцо кафе, я обернулся.

В этот момент меня настигло необычное чувство, ощущение, словно мое тело стало приютом одновременно для тысячи молний. Первую секунду я и вовсе не верил своим глазам, ведь за нашими спинами нет ничего, что напоминало бы мне о кафе. Ни вывески, ни крыльца, ни двери, у которой мы только, что стояли. Ничего этого нет.

Теперь вместо кафе я вижу трехэтажный жилой дом серого цвета, на последнем этаже которого, открытое настежь окно. Слабые порывы ветра беззаботно играют с выглядывающими из окна, темно-зелеными шторами. Все это выглядит так, словно никакого кафе тут никогда и не было.

–Куда оно делось? –взволнованно произнес я, посмотрев на человека, который идет справа.

Профессор удивил меня своим спокойствием.

–Вы говорите о кафе? –уточнил Михаил Федорович, но, как мне показалось только для того, что бы поддержать разговор.

–Да, –ответил я, и снова посмотрел назад. – Взгляните, его нет!

–Разумеется. Так и должно быть.

Профессор не стал оборачиваться, но у меня такое чувство, что если бы даже Михаил Федорович увидел, что кафе исчезло, то это вряд ли бы его смутило. Как же все-таки он спокоен, и, что значит это его фраза «так и должно быть»?

Спасительная мысль посетила меня уже через несколько мгновений.

А, что если, правда, все так и должно быть? Что если нет ничего удивительного в исчезнувшем кафе? Вернее, никуда оно, конечно, исчезнуть не могло, мы просто уже давно покинули его.

Профессор сказал, что я сильно ударился головой, так? Должно быть, именно из-за этого я плохо помню сегодняшнее утро, и то, как пришел в кафе...

А что, если сейчас вновь сказываются последствия удара? Я могу просто не помнить, сколько мы уже прошли, верно? Да. Это вполне логично объясняет появление жилого дома за нашими спинами, но... с другой стороны, это так же значит, что сегодня я действительно мог быть в больнице, и именно там познакомился с этим странным человеком...

Ладно, все это может быть правдой, но кое-что все равно остается неясным. Например, почему вокруг нас все еще никого нет? И, что эта за улица, по которой мы идем?

Я пытаюсь узнать ее с того момента, как мои глаза перестали разглядывать рекламный щит, однако, мне все еще не удалось этого сделать.

Я думал, что знаю каждую улицу в этом городе, по крайней мере, когда я вышел из кафе некоторые дома были мне знакомы, я их точно видел где-то в Питере. Но, теперь вокруг нас только серые трехэтажки похожие на ту, что появилась на месте исчезнувшего кафе. Все эти дома выстроены в ряд, словно костяшки домино, и уходят так далеко вперед, что улица кажется бесконечной. Я не вижу ни одного перекрестка. Просто нескончаемый ряд серых домов по обе стороны улицы.

Неужели, где-то в Питере, может находиться такая улица? Или последствия удара сказываются и сейчас? Может, я просто не могу узнать это место, хотя много раз был здесь. В конце концов, не могу же я сейчас находиться в другом городе. Ведь так?

Я посмотрел на человека идущего рядом, словно задал ему этот вопрос. Лицо профессора сосредоточено. Неужели, он единственный, кто может дать мне ответы? А, ведь еще недавно я считал его сумасшедшим.

Но, прежде чем я успел что-либо спросить, человек, называющий себя проводником, сам поинтересовался у меня:

–Роман Сергеевич, неужели вы все еще пытаетесь найти всему объяснение?

–А, по-вашему, это не разумно? –неожиданно съязвил я в ответ.

–Почему же, вполне. Я надеюсь успешно?

–Вы знаете, как ни странно, да, –произнес я, все с той же интонацией в голосе.

Мои слова хоть и вызвали у Михаила Федоровича улыбку, но, и на этот раз не сбили его наступательный порыв, ведь уже через секунду, стерев улыбку с лица, профессор спросил:

–Значит, вам уже лучше?

–Да, -машинально, подтвердил я слова моего собеседника, и, тут же добавил. -Намного лучше.

–Замечательно. Тогда мы можем продолжить.

–Что продолжить?

–Наш разговор конечно. На чем мы остановились?

–Не помню, -буркнул я, немного помолчав.

Мне совсем не хочется вспоминать тот разговор, потому что он непременно вернет меня в кафе. Я не хочу этого, не хочу даже мысленно возвращаться в то заведение. Мне кажется, его стены снова начнут давить на меня, даже оставив их далеко позади, я все еще чувствую свою беспомощность перед ними, они все еще...

–Мы говорили о вас, Роман Сергеевич -монотонный голос моего собеседника прервал мои размышления. –И, о том, где мы с вами познакомились. Это вы помните?

–Да, -я неуверенно кивнул, хотя прекрасно помню наш разговор.

–А, что еще вы помните? -спросил Михаил Федорович, и, посмотрел на меня.

Точно так же как и тогда, сидя за столом, ни на мгновение, не отрывая от меня своих глаз, профессор ловит каждую мою эмоцию, каждую мысль. У меня складывается впечатление, что старик прекрасно знает, что я помню все произошедшее в кафе, но, почему-то хочет, что бы именно я произнес те слова вслух.

–Если вы о том, что я якобы умер сегодня утром, то да, это я тоже помню, -ответил я.

Ирония в моем голосе вновь вызвала у профессора лишь улыбку. Он еле заметно кивнул, словно одобрил мои слова, и посмотрел вперед.

–Замечательно, -произнес Михаил Федорович, и в этот момент улыбка в очередной раз незаметно исчезла с его лица.

Следующие несколько метров мы прошли в полной тишине. Вокруг нас все еще никого нет. Ни единой души. Я стараюсь об этом не думать, потому как первое, что приходит на ум это слова профессора, сказанные в кафе. Не хочу думать, что я начал в них верить, но, вероятно, в некоторых из них все же есть доля правда, особенно в словах касающихся больницы...

Сейчас мне сложно судить, где мой собеседник врет, а где говорит правду, поэтому каждая разумная мысль, способная хоть как-нибудь объяснить пустую улицу, моментально становится спасительной нитью, за которую я без промедления стараюсь ухватиться.

Так, почему никого нет? Перекрытая улица? Чья-то глупая шутка? Нет, все это не то.

Я еще раз обернулся, даже не знаю почему. Наверное, все еще надеюсь увидеть кафе за нашими спинами или, быть может, ищу глазами вовсе не его, а людей, которые, в случае своего появления, избавят меня от мучительных поисков ответа, но увы... За нами только серые трехэтажки...

–Роман Сергеевич, а что вы помните из сегодняшнего утра? –неожиданно, тяжелый, профессорский голос нарушил тишину, хотя мне казалось, что Михаил Федорович думает, о чем-то своем, не обращая на меня никакого внимания.

–Не многое, -ответил я.

–Будьте добры, расскажите.

Я пожал плечами.

–Здесь нечего рассказывать. Это было обычное утро. Душ. Завтрак. Потом я собрался на работу и уехал.

–Позвольте узнать, где вы работаете?

–В строительной компании.

–Как давно?

–Почти пять лет. Почему вы спрашиваете это?

Но, профессор будто не услышал меня. Он сделал несколько шагов, и, продолжил:

–Роман Сергеевич, скажите, а вы помните, как ехали на работу?

–Да.

–И, вы помните утренний дождь?

–Конечно, помню.

–Может, еще что-нибудь? Например, то, как вы подъехали к своему офису?

–Нет, этого я не помню, – ответил я, но, понимая, к чему клонит профессор, добавил. – Вы ведь хотите сказать, что все это из-за того, что я якобы ударился головой, верно?

–Не совсем. В большей степени ваша амнезия это прямой результат того, что вы умерли. Травма головы, конечно, усугубила потерю памяти, но не является ее первоисточником. А, вот ваше головокружение, и плохое самочувствие, несомненно, связаны с...

–Прошу вас! – остановил я профессора. – Это уже не смешно! Я не мог умереть!

– Все же вы умерли, – твердым голосом ответил мой собеседник. – Роман Сергеевич, я понимаю вам сложно поверить в подобное, но все же представьте, буквально на одно мгновение, что никакой я не сумасшедший. Представьте, что сегодня утром вы действительно проснулись до будильника, приняли душ, затем позавтракали, и отправились на работу, но так до нее и не доехали.

–Не доехал? – с недоверием, спросил я.

–Нет. По пути на работу ваш автомобиль попал в аварию.

–И, по-вашему, в этой аварии я и умер?

–Не совсем. Вы скончались уже в больнице.

–Значит, вот как я там оказался, – с улыбкой на лице произнес я. – Получается, головой я ударился в аварии?

–Да.

–А, почему вы не упомянули об этом раньше?

–Вы ведь сами не захотели меня слушать, помните? К тому же в кафе я сказал вам достаточно, но вы все равно мне не поверили.

–А, что изменилось сейчас? Хотите сказать, сейчас я вам поверю?

–Посмотрите вокруг, Роман Сергеевич. Думаю, не стоит говорить, что некоторым вещам вы не можете найти разумное объяснение.

–Уверен это ненадолго.

–Несомненно. Но, скоро вы поймете, что я говорю правду. Тем более, глубоко внутри вы уже знаете, что сегодняшнее утро было далеко не самым обычным в вашей жизни, не так ли?

–Конечно, нет! – прогремел я, все еще пытаюсь защититься от слов моего собеседника.

–Неужели? – теперь уже в профессорском голосе слышна ирония. – Ни воспоминаний, ни картинок, хотите сказать, ничего этого нет?

Я промолчал.

Наверное, я не знаю, что ответить, или просто боюсь произнести эти слова вслух.

Михаил Федорович прав, я был сегодня в больнице. Я вспомнил это. Хотя, кажется, это не было похоже на воспоминание, это нечто иное. Скорее, видение. Оно промелькнуло перед моими глазами, когда я разглядывал рекламный щит, а затем затерялось в той самой темноте, в которую меня утягивал монстр...

И, вот оно снова передо мной. Я вижу вспышки. Вижу, как они превращаются в белые медузы. Вот я открываю глаза. Свет. Коридор. Больница. Авария?

Неужели, все это правда?

Похоже на то...

–Ладно, пусть так, – рявкнул я. – Даже если я и был сегодня в больнице. Даже если я и попал туда из-за этой чертовой аварии. Все это не значит, что я умер!

–Тем не менее, Роман Сергеевич, в аварии вы получили слишком серьезную травму, и врачам не удалось вас спасти, – невозмутимо ответил профессор.

Зерно сомнения, что было посеяно в моей голове, когда я в ужасе покинул кафе, и сделал вдох, дало первые ростки, а вместе с ними вернулась и головная боль. Она набросилась на меня словно хищник, сидевший в засаде. И, вот он выждал жертву. Зверь безжалостно разрывает меня, и при каждом его укусе мое сердце делает удар, отражаясь невыносимой болью в висках.

Мне снова становится дурно. Сейчас я хочу все бросить, я хочу оставить профессора одного и уйти, но, что-то мешает мне сделать это. Я пытаюсь ни о чем не думать, но мысли сами лезут в голову, подпитываемые тем странным видением.

Снова вспышки. Врачи. Больница. Тут же боль в пульсирующих висках. Может, она лишь часть этого видения? И, если я умер, разве мое сердце не должно было остановиться? Значит, я жив? Жив! Жив! словно спасительное заклинание, я повторяю про себя это слово. И, тут же оно невольно срывается с моих губ:

–Жив, -прошептал я, и испуганно посмотрел на профессора.

Михаил Федорович невозмутим. Сначала мне вновь показалось, что он, не обратил на мои слова никакого внимания, но, пройдя несколько метров, тяжелый голос профессора сотряс тишину:

–Вы знаете, Роман Сергеевич, многие до последнего готовы отрицать свою смерть. Люди готовы искать объяснение всему, и исчезнувшему кафе, и пустой улице, и изменившемуся городу. Самое забавное это то, что большинство людей находят эти объяснения, и искренне в них верят, какими бы абсурдными они не были. При этом будто бы специально пропуская мимо ушей слова о собственной смерти.

–Но, ведь это невозможно... -произнес я. –Разве, можно не помнить как ты... -я замолчал.

А, что если, профессор прав? Прав во всем. Ведь я не помню сегодняшнее утро, не помню аварию, не помню, как пришел в кафе. Быть может, не помню, и то, как я умер? К тому же это видение, говорящее мне о том, что сегодня я явно был в больнице. Видение? Или я просто боюсь назвать его воспоминанием? Ведь если эти картинки окажутся событиями сегодняшнего утра, то, я не смогу игнорировать и другие слова профессора.

Или, я уже давно допустил мысль, что мой собеседник прав, а сейчас просто пытаюсь отсрочить неизбежное?

Михаил Федорович говорил обо мне. Бесспорно. Это я ищу разумное объяснение и пустой улице, и исчезнувшему кафе, и даже этим странным, серым дома вокруг, но где-то внутри я прекрасно знаю, что со мной произошло. Как это знает и человек, идущий рядом. Он, так и не дождавшись моего вопроса, вскоре сам спросил меня:

–Не помнить что?

–... как ты умер, -с отчаянием в голосе, продолжил я.

–Роман Сергеевич, большинство людей не помнят даже то, как они прожили свою жизнь. Что уж говорить о смерти, она всего лишь мгновенье, которое, иногда приходит слишком неожиданно. Но, не волнуйтесь, вы обязательно все вспомните, -Михаил Федорович внимательно посмотрел на меня. -Тем более, вы ведь уже вспомнили больницу, верно?

–Да, -признался я.

–И, что там произошло?

–Я вспомнил лишь обрывки. Коридор, врачей, и, странное ощущение, словно я куда-то проваливаюсь.

–Может, еще что-нибудь?

–Нет. Больше ничего. Или...

Легкий холод пробежал по моему телу. Мной овладел страх. Незаметно подкравшись, он тут же поглотил меня, отрезав все пути к отступлению. Я вспомнил, что точно такой же страх был во мне, когда я находился в больнице. Но, что могло так меня напугать?

Боюсь, сейчас я этого не узнаю. К тому же уже через секунду, разогнав все мои мысли, профессорский голос вернул меня к разговору:

–Так, вы вспомнили еще что-то?

–Нет. Только больницу.

–Замечательно, Роман Сергеевич. Память начала к вам возвращаться, и вы вспомнили намного больше, чем думаете, -произнес Михаил Федорович, оглядываясь по сторонам.

Я поднял голову, и, как только мой взгляд коснулся ближайших зданий, вопросов стало еще больше.

Серые дома неожиданно куда-то исчезли, уступив свои места ничем не приметным, похожим друг на друга, самым обычным многоэтажкам. Теперь уже они бесконечно тянутся к горизонту, разбавляемые лишь немногочисленными магазинами и витринами. Мой взгляд тут же заскользил по их ярким вывескам, но, не найдя ничего запоминающегося, переключился на фасады многоэтажек.

Следующие несколько секунд я старательно разглядывал их, и пусть мой взгляд не задерживался подолгу ни на одном из зданий, все же я подмечал детали, на которые раньше вряд ли бы обратил внимание, будь то водосточные трубы, оконные рамы, или даже заржавевшие решетки на окнах близлежащих домов.

Я рассматривал все эти мелочи в надежде, что они смогут рассказать мне хоть что-нибудь об этом городе. Но, увы, они молчат, словно находятся под сильнейшим заклятием, а вместе с ними молчит и сам город. Его пустые парадные... Застывшие витрины...

Я все еще не понимаю, где нахожусь, но теперь, кажется, глупо доказывать себе, что это Питер...

–Не волнуйтесь, Роман Сергеевич, это Санкт-Петербург, -я вздрогнул, услышав голос Михаила Федоровича, и тут же посмотрел на своего собеседника.

–Вы что, читаете мои мысли? -спросил я.

–Ну, если это первое, что вы хотите узнать то, нет, я их не читаю. Это ведь неэтично, – невозмутимо ответил профессор, а после, добавил. –Я просто их слышу, потому как, пока у вас не особо получается их контролировать.

–Контролировать что? Мысли?

–Да. Они способны влиять на очень многое, и представляют собой особую ценность. По этой причине не стоит ими разбрасываться. Тем более, оказавшись здесь, -пояснил профессор.

Еще в кафе, сидя за столом, я не раз обращал внимание на то, что мой собеседник весьма умело, манипулирует словами, что позволяет ему вести разговор в нужном направлении. К тому же порой некоторые слова он произносит с такой интонацией, что именно на них ты невольно обращаешь свое внимание. Михаил Федорович уже неоднократно проделывал со мной подобный трюк, и так случилось на этот раз, но теперь голос профессора еще громче зазвенел в моей голове.

–Здесь? –повторил я, вслед за голосом старика. –А, что это за место?

–Там, где люди оказываются после смерти. Я ведь вам уже говорил это, -произнес Михаил Федорович, после чего с интересом посмотрел по сторонам. -Но, знаете, вообще-то у этого места нет названия.

Я ничего не ответил, а только окинул взглядом ближайшие здания.

Теперь я уже вряд ли смогу объяснить, как здесь появились все эти дома, и куда исчезли серые трехэтажки, но стоит ли мне вообще это делать? Кажется, я уже давно получил ответы на все свои вопросы. Думаю, мне нужно перестать бояться, и следует признаться себе, что сегодня я все-таки был в больнице, и, видимо, действительно оказался там из-за аварии, в которую попал по пути на работу. Хотя, я все еще не вспомнил всех деталей сегодняшнего утра, но получается я на самом деле... Стоп – остановил я себя, но профессор тут же продолжил:

–Да, Роман Сергеевич, вы, на самом деле умерли.

–Нет, -тихо произнес я. -Это какой-то бред.

–Почему вы так думаете?

–Да потому что, люди после смерти не попадают в город!

–Правда? А, куда по-вашему они попадают? -немного наигранно поинтересовался старик.

–Не знаю. Но, точно не сюда, разве нет?

–Вообще-то вы правы, -неожиданно согласился мой собеседник. –Каждый человек, оказавшийся здесь, видит это место по-своему.

–То есть, как это по-своему?

–Все просто, Роман Сергеевич. После смерти, душа на некоторое время еще сохраняет связь с телом, благодаря чему, она оказывается в том месте, к которому была эмоционально привязана при жизни. Это может быть абсолютно любое место: собственная квартира, укромное место в парке, любимый город, даже с захламленным чердаком в заброшенном доме у человека могут быть связаны самые сильные эмоции. Важно лишь одно – они должны быть исключительно положительными. Понимаете?

–Кажется, да, -потерянно, произнес я, но тут же попытался взять себя в руки. -Получается, мое место это город?

–Конечно. Вы безумно любили Санкт-Петербург, и по этой причине оказались именно здесь.

После слов Михаила Федоровича, я вновь взглянул на ближайшие фасады.

–Неужели, мы, правда, в Питере? -спросил я, адресуя свой вопрос больше в пустоту, чем профессору. -Здесь все такое... странное...

–Роман Сергеевич, мы с вами в Санкт-Петербурге, в этом нет никаких сомнений.

–Да? Тогда, почему я не узнаю город? Хотя сначала был уверен, что это Питер.

–Потому что, покинув кафе, вы увидели то, что хотели увидеть, но, теперь вокруг нас лишь ваши воспоминания. Здесь вообще все состоит из воспоминаний.

–Значит, это не настоящий Питер?

–Конечно, нет. А вы бы хотели оказаться в нем?

–Не знаю. Наверное.

–Ну, тогда, Роман Сергеевич, вам нужно вспомнить как можно больше его деталей. Но, будьте готовы к тому, что этот город все равно не станет тем Санкт-Петербургом, который вы знаете.

–Почему? –спросил я, стараясь держать свой голос как можно ровно.

–Воспоминания редко бывают похожи на то место, с которым они связаны, -произнес мой собеседник, и немного помолчав, добавил. -Если хотите, я объясню вам, как здесь все устроено.

Я неуверенно кивнул, и профессор продолжил.

–Роман Сергеевич, для начала представьте себе Санкт-Петербург, в котором вы жили. За свою жизнь вы, несомненно, побывали во многих его уголках, тем не менее, даже в столь любимом вами городе есть места, которые вы никогда не видели, верно?

–Ну, да, -согласился я.

–Так вот, подобных мест не будет и здесь, просто потому что у вас нет воспоминаний о них. В этом городе вы встретите лишь те здания, которые видели при жизни. Скажем, дома расположенные по пути на работу, магазины, мимо которых вы проходили, или даже целые улицы, по которым любили гулять. Однако, не смотря на то, что, порой люди помнят даже то, о чем и не догадываются, все же, вы не можете помнить абсолютно всех деталей этих зданий и улиц. Понимаете, к чему я виду?

–Да, -неуверенно ответил я, и, тут же уточнил. -Получается, я не увижу того, чего не помню?

–Именно. Но, даже если вы не помните определенных деталей, то все равно можете узнать некоторые здания или даже целые улицы, потому как, исчезнувшие части не всегда меняют их до неузнаваемости. В отличие от тех деталей, что вы сами можете пририсовать, –Михаил Федорович вновь ненадолго замолчал, давая мне возможность уловить смысл услышанного, но, дожидаться пока в моей голове возникнут очередные вопросы, проводник не стал. –Роман Сергеевич, скажем каждый день из окон своей квартиры, вы рассматривали балконы соседнего дома. Если вы помните, как выглядит каждый из них, то найдя здесь соседний дом, вы увидите его таким, каким привыкли видеть. Но, что если вы не обращали внимания на балконы? Вы знаете, что они есть, но, не знаете, какими именно они должны быть. В этом случае, вы уже сами пририсуете соседнему дому его балконы, и будут они такими, какими вам кажется, они должны быть, а не такие, какие они были на самом деле. Понимаете? –я кивнул, и мой собеседник продолжил, –как правило, пририсованные детали мало чем отличаются друг от друга, а значит, приблизительно так же будут выглядеть и остальные балконы в этом городе, разумеется, кроме тех, вид которых вы помните наверняка. То же самое касается всего остального.

–То есть, все дома здесь будут похожи друг на друга? Как эти многоэтажки?

–Все верно. Большая часть зданий потеряет свою индивидуальность. Однако среди них будут и те, которые невероятно точно отпечатались в вашей памяти, –ответил проводник, и замолчал.

Я поспешил заполнить ненадолго установившуюся тишину.

–Такие, как дом, в котором я живу... жил? –поправил я себя, и посмотрел на профессора. –Если я точно помню, как он выглядит, значит, он не изменится, верно?

–Боюсь, не все так просто. Здания, в которых прошла ваша жизнь, наиболее подвержены изменениям. Все из-за эмоций, когда-то пережитых в их стенах. Положительные эмоции меняли здания в лучшую сторону, в то время как негативные медленно разрушали их.

–То есть, эти здания я тоже не узнаю?

–Я бы сказал, что это будет сделать проблематично.

–И, вы называете это Питером?

–В большей степени, это воспоминания о нем, переплетенные с вашими эмоциями. Но, да, это Санкт-Петербург. Однако что бы этот город появился, вам предстоит многое вспомнить.

– А, что будет потом? Когда, я все вспомню.

–Потом... –здумчиво повторил проводник. –Потом, мы с вами окажемся в месте абсолютно уникальном. Вокруг нас будет город, в котором и прошла ваша жизнь. Глядя на него, вы поймете, какой она была. К тому же город перестанет быть просто переплетением воспоминаний и эмоций, в какой-то степени, он станет отражением вашей души, и вы сможете увидеть, чем она заполнена на самом деле.

–Значит, для этого мы здесь? Посмотреть на мою душу?

–Роман Сергеевич, каждый сам решает, для чего он здесь. Это место соткано из тысячи тончайших нитей, каждая из которых меняла город. Вы меняли его. И все то, что вы пережили на протяжении двадцати семи лет, нашло здесь свое отражение. Именно поэтому все, что вы здесь увидите, это будете вы сами, только в иной форме, в той, что бережно хранилось вдалеке от посторонних глаз.

–И, где оно хранилось? –спросил я, не отрывая взгляд от профессора.

Михаил Федорович плавным движением поднес правую руку к своей голове.

–Здесь, –ответил он, как только кончики его пальцев, задела седые волосы, затем таким же плавным движением профессор дотронулся до груди. –И, здесь, –добавил он, после чего снова убрал руки за спину.

Я посмотрел вперед.

Каких-то пятнадцать минут назад, все сказанное профессором, я бы посчитал бредом сумасшедшего старика. Пятнадцать минут назад, но не сейчас...

Готов ли я признаться себе, что Михаил Федорович прав? Готов... Но, не сейчас...

Я должен еще раз все обдумать.

Утро. Дорога. Авария. Больница.

Смерть?

Нет. Надоело. Я просто хочу от всего этого отвлечься...

Воспоминания. Город. Питер.

—А, что на счет тех, кто оказывается не в городе? —спросил я, вспомнив слова проводника.

—Как у них меняется это место?

—У каждого это происходит по-разному, но, в любом случае это место, найдет способ стать отражением души, —пояснил профессор, и замолчал, а вскоре, не дождавшись от меня других вопросов, поинтересовался сам. —Роман Сергеевич, означают ли ваши вопросы, что теперь вы мне верите, и больше не считаете меня сумасшедшим?

—Я вовсе так и не думал, —потерянно ответил я.

—Неужели? Мне, кажется, мы оба знаем, что это не правда.

—Да. Простите. Просто, в ваши слова было сложно поверить.

—Все же, теперь вы в них, кажется, верите?

—Не знаю. Но, некоторым вещам я действительно не могу найти разумное объяснение.

—Роман Сергеевич, поверьте, вам еще многое предстоит увидеть, —загадочно произнес профессор.

После слов Михаила Федоровича я сделал несколько шагов вперед, и бросил взгляд на противоположенную сторону улицы. Мне показалось, что в одном из окон мелькнула чья-то фигура. Я жадно начал разглядывать окно многоэтажки, но никого в нем не вижу...

Однако этого обмана зрения оказалась достаточно, что бы вновь пробудить во мне переживания, касающиеся отсутствия людей вокруг. Теперь, я уже не могу не спросить об этом...

—А, почему здесь никого нет? —с новой силой продолжил я наступление, рассматривая то самое, пустое окно многоэтажки. —Ведь если, как вы говорите, вокруг нас воспоминания, то здесь должны быть и люди, о которых я помню, верно?

—Роман Сергеевич, людям здесь не место. Тем более, вы всегда чувствовали себя одиноким среди них.

—Что вы несете? —взволнованно произнес я, но тут же попытался себя успокоить. —С чего вы вообще это взяли?

—А, разве это не так?

—Конечно, нет! Вообще-то у меня много друзей!

—Ну, тогда на ваших похоронах будет и много скорбящих, —парировал Михаил Федорович. Его голос в отличие от моего, как всегда спокоен.

И, есть в этом спокойствии что-то заразительное потому как, пройдя несколько метров, я все же смог успокоиться, и взять себя в руки, хотя это продлилось недолго, и уже следующие слова Михаила Федоровича заставили меня испуганно посмотреть на него.

—Роман Сергеевич, если вы хотите, то мы можем поприсутствовать на ваших похоронах. Или, вы об этом еще не думали?

—Нет, —ответил я, стараясь в этот момент как можно дальше прогнать все те мысли, что вот-вот на меня налетят.

Быть может, мне бы это и удалось, но все же перед моими глазами успели промелькнуть картинки, которые я запомнил на удивление подробно. Они словно кадры документального кино, следующие друг за другом в хронологическом порядке.

Сначала глубокая могильная яма. Затем мое тело мирно покоящееся в открытом гробу. Уже через секунду я вижу, как черный гроб медленно опускается в сырую землю. Вот его начинают закидывать землей. Я даже слышу глухие удары о крышку гроба. Жуткая мелодия, под которую люди прощаются со своими близкими.

Еще картинки. Я вижу темную могильную ограду. Мраморный памятник. Он почему-то утопает в синих цветах, приковывая к себе взгляды незнакомых мне людей, которые по воли случая проходят мимо моей могилы.

Я уверен, что эти картинки не более чем плод моего воображения, но, есть в них, что-то пророческое. Или, мне это только кажется? Ведь я так и не увидел, сколько людей пришло со мной проститься. Скорее всего, только друзья и близкие. Они удивятся, как только узнают о моей смерти, некоторые даже сразу и не поверят в то, что я умер...

Умер. Вот, я и произнес это слово...

Да, смерть всегда приходит неожиданно. И, когда тебе двадцать семь, она кажется, чем-то далеким, чем-то, что может случиться с кем угодно, только не с тобой...

Я вообще-то никогда не думал о смерти но, наверное, был уверен, что это произойдет в глубокой старости. Однако все оказалось иначе. Да и все то, что происходит после смерти, я представлял совсем по-другому. Я больше готов был увидеть старушку с косой, ангелов или демонов, но не этого странного человека, не этот странный город. Я всегда думал...

–Я всегда думал, -неожиданно, продолжил я вслух. -Что люди, после смерти, оказываются в другом месте, совсем не похожее на это.

Михаил Федорович с интересом посмотрел на меня.

–Так что это должно было быть за место?

–То, о котором все знают. То, есть я хочу сказать, разве праведники не должны попасть в рай, а грешники в ад?

–И, кто-то, сидящий на золотом троне, должен ответить на все ваши вопросы? А, после он на волшебных весах взвесит все ваши хорошие и плохие поступки? –с иронией в голосе, произнес профессор, и, потянувшись к внутреннему карману пиджака, продолжил. – Роман Сергеевич, не все, что написано в книгах соответствует действительности, но истина в ваших словах есть.

–Значит, рай и ад существуют?

–Да, можно сказать и так. Только, находятся они не здесь, да и выглядят немного по-другому, нежели люди себе их представляют, -в этот момент черный блокнот вновь мелькнул в руках моего собеседника. –Но, поверьте, Роман Сергеевич, если и существует тот, кто сможет дать ответы на все ваши вопросы то, это вы, – добавил проводник.

Затем Михаил Федорович плавным движением открыл блокнот, и, неспешно перелистнул пару страниц. Должно быть, его глаза тут же нашли нужные строки, потому как, прежде чем я успел, что-либо разглядеть в блокноте профессор закрыл его. Он поднял голову, и некоторое время шел, задумчиво смотря вперед, словно его мысли были где-то в другом месте. Затем проводник спрятал блокнот в карман пиджака, и, убрав руки за спину, продолжил разговор:

–Роман Сергеевич, позвольте узнать, вы верите в Бога?

Я немного растерялся, услышав вопрос Михаила Федоровича, и мой дрожащий голос тут же выдал это.

–Ну, иногда, я ходил в церковь.

–Ходить в церковь, и верить в Бога далеко не всегда одно и то же. Вам так не кажется?

–Да, наверное, -согласился я.

Эти слова оказались единственными, что я смог выдать из себя, но Михаил Федорович, словно не заметил этого, и настойчивым тоном поинтересовался вновь:

–Так, вы верите в Бога?

–Да. Думаю, что верю, -неуверенно, произнес я, вновь услышав, как дрожит мой голос. Разумеется, эта неуверенность не утаилась и от моего собеседника.

–Роман Сергеевич, все же ваш ответ полон сомнений, -заметил проводник.

–Не знаю. Все это очень сложно.

–Несомненно. Особенно учитывая то, что люди любят все усложнять. Хотя, казалось бы, что может быть проще, чем просто верить, правда?

Я пожал плечами.

–Ну, теперь-то я знаю, что Бог есть.

–Теперь? –переспросил проводник. –Почему вы так решили?

–А, разве ваше существование это не доказывает?

–Мое существование доказывает лишь то, что есть я, не более.

–Нет, вы не поняли... -произнес я, и тут же замолчал, стараясь подобрать нужные слова. Но, они словно попавшаяся на крючок рыба, отчаянно начали сопротивляться мне. Пытаясь сорваться. Сбежать. И все же через несколько секунд, немного успокоившись, я продолжил - Михаил Федорович, я имею в виду, все то, что сейчас со мной происходит. Весь этот город. Вы. Ваши слова про рай, ад. Все это доказывает, что Бог есть, разве нет?

–Роман Сергеевич, я ведь уже говорил, что не все написанное в книгах соответствует действительности. Тем более, вера не строится ни на записях, ни на доказательствах. А, все это, -профессор развел руки в стороны. –Все то, что вы видите вокруг, говорит лишь о том, что умерев, человек не заканчивает свое существование. Или, вы верите только собственным глазам? И, вам, непременно, нужно оказаться перед Богом, для того что бы поверить в него?

–Нет, -испуганно, ответил я.

В этот момент лицо профессора стало как никогда серьезным. Он убрал руки за спину, и тут же продолжил, словно зная, что мне больше нечего добавить к тому, что я уже сказал.

–Роман Сергеевич, хотя, от некоторых привычек избавиться не так просто, все же вам следует перестать видеть логику в происходящем вокруг. Примите, что вы больше не часть того мира, в котором жили раньше. Теперь вокруг вас новый мир, который существует совершенно по другим правилам, и он многое может показать вам. В первую очередь то, что на смерть можно посмотреть и с другой стороны.

–Значит, это я должен увидеть? –растерянно, спросил я.

–Роман Сергеевич, что вы увидите здесь, зависит только от вас, -ответил проводник.

После слов профессора меня настигло странное ощущение того, что совсем недавно я где-то уже слышал эти слова. Вернее часть фразы, что произнес профессор.

«...зависит только от вас...» тут же прогремело в моей голове, и едва я не повторил эти слова вслух.

Так что это? Еще одно воспоминание? Если это так, то оно все еще остается неуловимым, и, что бы настигнуть его, я снова и снова проговариваю эти слова в своей голове.

...зависит только от вас...зависит только от вас...зависит только от...

Секунда, и перед моими глазами промелькнули картинки.

Под серым, тяжелым небом утренний город. На его улицах мокрый асфальт отражает огни домов, и проезжающих автомобилей. Дождь, начавшийся несколько часов назад, и не думает заканчиваться. Кажется, с каждой минутой он становится только сильнее.

Дорога. Я еду на работу. Несмотря на то, что я сегодня проснулся очень рано, я все равно опаздываю. То и дело я перевожу свой взгляд на телефон, который лежит на пассажирском сиденье. Моя ассистентка должна была позвонить в половине восьмого, но телефон все еще молчит.

7:38. Звонок. Я беру трубку, и слышу женский голос.

«Роман Сергеевич, вы меня слышите? Алло? Роман Сергеевич, я позвонила им как вы и просили. Вся документация в полном порядке, но они все еще не приняли решение. Не знают, какой из проектов лучше. Они снова просят вас разобраться с этим. Алло? Роман Сергеевич? Вы слышите? Теперь все зависит от вас»

Я что-то отвечаю ассистентке, но она не слышит меня.

Я вижу, как приближаюсь к перекрестку, и даю на педаль газа. Только что загорелся красный, но я успею проскочить.

Голос ассистентки. «Вы слышите, Роман Сергеевич? Все зависит только от вас».

Следом визг тормозов. Удар. Темнота.

–Я вспомнил, -неожиданно, произнес я.

–Что именно? –спросил проводник.

–Утро. Аварию.

Легкая улыбка появилась на лице Михаила Федоровича.

–Что же, значит, скоро вы вспомните и все остальное, -произнес проводник, и задумчиво посмотрел вперед.

3. Витрина

Уже несколько минут мы идем молча.

За это время я пару раз взглянул на небо, ища глазами солнце, но каждый раз эти попытки заканчивались ничем. Над нами все время было ясное, голубое небо. К тому же здания вокруг нас не отбрасывают ни единой тени, поэтому определить местоположение солнца невозможно. Конечно, если только оно здесь есть.

Но, откуда-то ведь должен исходить этот свет?

Я еще раз поднял глаза, и на этот раз увидел, что над городом медленно проплывают белые облака.

Сам город практически не изменился. Даже, несмотря на то, что я вспомнил то, как попал в аварию, нас по-прежнему окружают те же магазины, витрины и многоэтажки. Разве что, на этот раз все эти здания обзавелись новыми деталями. Однако и они не могут помочь мне узнать хотя бы одно из строений.

Может, просто нужно внимательнее рассмотреть их? Да, наверное. Но, сейчас мне точно не до этого, потому как перед моими глазами, то и дело возникают картинки, связанные с утренней аварией. И, как бы я не хотел перестать их видеть, они снова и снова возвращаются ко мне, и все чаще их сопровождает тот самый визг тормозов.

Вот, эти картинки вновь промелькнули передо мной.

Я в очередной раз вижу, как приближаюсь к перекрестку. Скоро загорится красный, но я уверен, что успею проскочить, поэтому давя на педаль газа. Одновременно с этим я пытаюсь поговорить с ассистенткой, но она меня не слышит, хотя ее голос в телефонной трубке звучит достаточно четко. Проходит несколько секунд. Только что загорелся красный, но я еще не выехал на перекресток, хотя до него осталось совсем немного. В любом случае я уже не успею затормозить, поэтому еще сильнее давя на газ, и тут же слышу визг тормозов. Затем удар и темнота.

Я посмотрел на профессора. В этот момент я понял, о чем хотят напомнить мне все эти картинки, я понял, что хочет донести до меня этот визг. Что это я стал виновником происшествия, это из-за меня случилась авария.

В моей голове тут же возник вопрос, который в одно мгновение прогнал прочь все воспоминания, и я поспешил скорее задать его:

– Михаил Федорович, кто-нибудь еще погиб в аварии?

– Нет, - кратко ответил проводник, но мгновенья спустя, добавил. - В другом автомобиле ехал мужчина. У него несколько переломов, но его жизни ничего не угрожает.

Я промолчал. Слова стали комом в горле, и где-то внутри застыла одна единственная фраза – «Это моя вина». Да, несомненно. Я так спешил на работу, что решил проскочить тот перекресток, и, давя на педаль газа, не задумываясь ни о себе, ни о ком-то другом, но получается, что я едва не убил этого человека.

– Все верно, Роман Сергеевич. Вы едва не отняли и эту жизнь, - произнес мой собеседник, вновь как-то по-особенному проговорив последние слова.

Я сделал вид, словно не заметил этого, но монотонный голос проводника еще раз прогремел в моей голове – «Вы едва не отняли и эту жизнь».

Михаил Федорович, что вы хотите сказать? Что в аварии мог погибнуть не только я? Да, разумеется, это так. Тем не менее, авария унесла лишь одну жизнь, мою, и я даже не хочу думать, что все могло сложиться иначе, поэтому не стоит больше говорить об этом...

Вы ведь меня сейчас слышите? – мысленно обратился я к старику. Но, мой собеседник ничего не ответил, более того, даже его внешний вид остался безучастным к моему вопросу.

Лишь единственная фраза еще раз прозвучала в моей голове – «Вы едва не отняли и эту жизнь».

Я тут же попытался отвлечься от слов профессора, и, осмотреться, но, почему-то не смог этого сделать. Слова Михаила Федоровича продолжили медленно поглощать все мои мысли...

Я все равно должен избавиться от них. Должен. Ведь стоит мне это сделать, непременно, уйдут и воспоминания связанные с аварией.

Авария. Секундного замешательства оказалось достаточно, для того что бы надо мной в очередной раз сгустились тучи в виде сменяющих друг друга картинок. Дождь. Дорога. Перекресток. Светофор. Пока все это вновь не набросилось на меня, я поспешил продолжить разговор:

–Михаил Федорович, так почему я плохо помню сегодняшнее утро? -спросил я первое, что пришло мне на ум.

–Считайте это побочным эффектом смерти, -улыбнувшись, ответил проводник. -Вы знаете, Роман Сергеевич, в мире людей есть весьма подходящее слово, что бы описать то, что происходит с душой в момент смерти. Это слово перезагрузка. Так вот, после перезагрузки души ненадолго появляются проблемы с памятью, причем проблемы эти исключительно индивидуальные. Конечно, сам момент смерти забывают абсолютно все, но вот в остальном... Одни могут помнить почти все, другие не помнить абсолютно ничего, к одним воспоминания возвращаются практически мгновенно, в то время как другим для этого требуется значительно больше времени, да и сама последовательность, в которой они возвращаются у каждого своя. Вы, например, первым вспомнили больничный коридор, а это то, что происходило незадолго до момента смерти.

–Значит, тогда я был еще жив?

–Да. Должно быть, вы ненадолго пришли в себя.

–А, когда появились вы?

–Роман Сергеевич, проводники всегда приходят в тот момент, когда душа уже покинула тело. Это происходит по причине того, что если врачи смогут вернуть вашу душу обратно, очнувшись в больнице, вы вспомните только то, что происходило до момента смерти, ведь все то, что происходит после нее, можно вспомнить, лишь находясь здесь. Понимаете?

Я кивнул.

–Хотя, порой встречаются люди, которые ничего конкретного не помнят, но, знают, что после смерти с ними что-то происходило, – продолжил мой собеседник. -В таких случаях человеческий мозг пытается самостоятельно найти не достающие картинки, но так как сделать он этого не может, ему приходится что-то придумывать. Отсюда и истории о том, что одни якобы летали над своим телом, лежащем на операционном столе, других куда-то затягивала небесная воронка, а третьи вообще говорят, что общались с ангелами или демонами. Все эти люди искренне верят в свои рассказы, но, как вы видите, все происходит немного иначе.

–Тем не менее, все это существуют? –осторожно, спросил я

–Что именно?

–Ангелы и демоны, -чуть тише, чем обычно прозвучал мой голос.

–Несомненно. Рай и ад, ангелы и демоны, эта часть ваших книг, которая наиболее близка к истине. Но, ангелы обитают в раю, а демоны в аду, и покинуть они эти места не могут. За редким исключением.

–Значит, вы к ним не относитесь?

–Конечно, нет, -ответил Михаил Федорович, и посмотрел на меня. -Понимаете, Роман Сергеевич, место в котором мы с вами сейчас находимся, способны отыскать только проводники. Это не какая-то конкретная точка, а нечто промежуточное. Это словно коридор, соединяющий мир в котором вы жили раньше с местом, где вы окажетесь чуть позже.

Ненадолго повисло молчание, но, сколько всего уместилось в это ненадолго.

Сначала я несколько раз хотел нарушить тишину, однако слова Михаила Федоровича словно лишили меня дара речи, и, с каждой последующей секундой я все отчетливее понимаю, что хочет сказать мне профессор...

Если вокруг нас коридор, соединяющий два мира, и на одном его конце находится моя прошлая жизнь то, что-то должно быть и с другой его стороны.

«Рай и ад существуют, только находятся они не здесь», таковы были слова, сказанные проводником чуть ранее, и теперь все стало предельно ясно. Одно из этих мест и находится на другом конце коридора.

Но, вот к чему я приближаюсь, делая очередной шаг? Не знаю. Не знаю?

Вообще-то я никогда не задумывался о том, куда попаду после смерти, даже не смотря на то, что, кажется, верил в существование рая и ада. Задумывается ли вообще кто-нибудь об этом? Наверное, да. Но, даже если эти места для меня и существовали, то все равно оставались чем-то далеким. Должно быть, поэтому я был уверен, что у меня еще полно времени, для того что бы начать совершать благие поступки. Но, времени оказалось катастрофически мало. Черт возьми, разве мог я такое предположить? Разумеется, нет.

И вот теперь, оказавшись на этой безлюдной улице, я понимаю, что ничего уже не исправить, и меня переполняет странное чувство. Оно совсем не похоже на разочарование от того, что я не успел совершить поступки, которыми должен был заслужить дорогу в рай. Это скорее страх от понимания того, что может находиться на другом конце коридора. Ведь вот он я, и все уже давно сделано. Мне осталось только узнать, что ждет меня впереди.

А, что если я попаду в Ад? Что я вообще знаю об этом месте?

Первые же мысли заставили меня содрогнуться.

Мучения. Боль. Страдания. Место, показанное в сотнях фильмах, и описанное в сотнях книг. Но, каким оно будет на самом деле?

Я уже не смог остановиться. Очередные картинки, как и те, что показали мою могилу, неизвестно откуда, в очередной раз всплыли в моем подсознании.

Вот он Ад.

Бесконечная грязно-красная река из вина и крови кишит миллионами душ. Утаскивая друг друга под воду они тянутся к поверхности, для того что бы сделать спасительный глоток воздуха, который пропитан дымом, вонью, и запахом серы. Но, все равно эти тошнотворные запахи лучше, чем месиво из бесчисленного количества гниющих душ, которые нашли свое обиталище в реке. Только теперь мне кажется, что в ней вовсе не вино и не кровь. Может это гной, которым когда-то были пропитаны, обитатели этой реки? Как бы то ни было, все эти души стараются подняться к поверхности. Сделать вдох. Издать свой стон. Но, для чего? Для того, что бы на них обратили внимание. Вот они. Они здесь. Они все поняли. Они готовы искупить, когда-то совершенные грехи, но, увы... всем плевать. Единственные, кто может обратить на них внимание, это гниющие тела, сидящие на берегу реки. Вон они хватают несколько «счастливчиков» и волокут их куда-то еще, к очередному «аттракциону», коих здесь миллионы. Через несколько минут те, кто еще недавно тонул в реке, будут молить о спасительной капле воды, в очередной раз, умирая от жажды, и воскресая вновь, не подозревая, что это «развлечение» продлится для них ближайшую пару тысяч лет.

Картинки неожиданно исчезли. Что-то подступило к моему горлу. Мне становится плохо. Кажется, еще немного и меня вырвет, но это ведь просто картинки? Или, нет? Может это реальность, которая вот-вот поглотит меня? Реальность, дорога к которой, вымощена страхом, и именно он заставил меня, нарушить тишину:

–Михаил Федорович, вы знаете, куда ведет этот коридор?

–Нет. Но, думаю, это знаете вы, -ответил проводник, и после его слов вновь повисла тишина.

Прошла секунда. Другая. Я все еще не произнес ни единого слова, хотя все вокруг словно жаждет этого. Даже, терзавшие меня недавно мысли терпеливо застыли. Или, может, они просто затаились где-то неподалеку? Может, стоит мне только заговорить, как они тут же набросятся на меня? Может быть.

Я закрыл глаза. Возможно, я смогу немного насладиться неожиданно возникшим спокойствием? Но, нет...

Уже через секунду, в очередной раз, не дождавшись от меня каких-либо слов, мой собеседник продолжил разговор:

–Роман Сергеевич, так куда ведет этот коридор? –спросил профессор, и, вместе с его монотонным голосом, ко мне вернулись мои переживания.

–Не знаю, -ответил я, дрожащим голосом.

–Что же, тогда нам следует немного подождать. Может быть, когда вы все вспомните, город вокруг нас подскажет ответ на этот вопрос.

–Да, наверное, -едва слышно согласился я, и замолчал.

Я больше не хочу произносить никаких слов, и уж тем более не хочу думать о том, что ждет меня впереди. Но, если можно просто взять и перестать разговаривать, просто взять и заткнуться, то вот прогнать мысли из головы оказалось не так просто. Они словно сорная трава, которая, несмотря на все попытки избавиться от нее, снова и снова находит способ напомнить о себе. Что же делать в этом случае? Наверное, просто думать о чем-нибудь другом...

Все это так глупо. Но, что еще мне остается? Ничего.

Я сделал глубокий вдох. Сейчас я готов думать о чем угодно, только не об этих картинках с грязно-красной рекой, о чем угодно, только не о тошнотворных запахах исходящих от миллионов разлагающихся душ. Сейчас я должен избавиться от всего этого, должен скорее бежать от этих мыслей, как в тот момент, когда без оглядки покидал кафе.

Кафе, тут же ухватился я. Сколько уже прошло времени, как мы покинули его стены? Уже достаточно. Как минимум для того, что бы мои мысли безболезненно смогли вернуться в это заведение. И, вот я вновь оказался за тем столом...

Я вижу, как потерянно разглядываю загадочного пожилого человека напротив. Вот он берет чашечку кофе, и делает глоток, после чего что-то у меня спрашивает. Я не уверенно отвечаю, а уже в следующую секунду за спиной профессора открывается дверь. В кафе входит молодая девушка с маленьким мальчиком...

Я сделал неуверенный шаг, и остановился.

–Люди. Они ведь там были, -произнес я.

Мой голос прозвучал на удивление спокойно, без единой нотки тревоги.

–Где? -поинтересовался профессор, остановившись рядом со мной.

–В кафе, -ответил я.

Как я мог забыть об этом? Я так был увлечен поисками людей на улице города, что совсем забыл о том, что видел их в кафе. Они ведь были совсем рядом: рыжеволосая девушка, мужчина с газетой, девушка с мальчиком, две официантки. Они все были в кафе.

–Вы правы, Роман Сергеевич, они действительно там были, -прозвучал монотонный голос проводника. -Кафе это то место, в котором пересеклись ваши воспоминания и мир людей.

–Значит, это были живые люди?

–Разумеется.

–Они нас видели?

–Нет.

–А, как же официант? Ведь он разговаривал с вами!

–Роман Сергеевич, официант это то, что находится за пределами вашего понимания. Вы еще не готовы понять это, но считайте, что он просто помогает проводникам.

Я ничего не ответил, тут же попытавшись осмыслить слова профессора, но любопытство все же взяло верх, и вскоре я продолжил задавать вопросы:

–Михаил Федорович, кроме тех людей, здесь кто-нибудь может появиться?

–Да, конечно.

–Но, вы говорили, что людям здесь не место.

–Так оно и есть. Тем не менее, я не говорил, что они не могут здесь появиться.

–Значит, я все-таки могу их увидеть? –не унимаюсь я.

–Да. Проводники способны исказить небольшие участки пространства, что вполне позволяет сосуществовать вашим воспоминаниям и миру людей, –ответил профессор, и, немного помолчав, добавил. –Если хотите я могу еще раз показать вам это.

– Да, -тихо, ответил я.

Михаил Федорович больше ничего не произнес. Он сделал несколько шагов вперед, и оказался напротив широкой витрины справа от нас.

Я встал рядом, и пригляделся.

По ту сторону витрины я вижу раковины, лампы, несколько кожаных кресел, огромные зеркала, перед которыми аккуратно лежат ножницы, расчески, лаки, и несколько фенов. Кажется, мастера только разложили все это по своим местам, но рядом нет ни души.

Я перевел взгляд на настенные часы. Возможно, когда-то они и показывали точное время, но сейчас стрелки мирно застыли на 8:03. Сколько бы я не вглядывался в секундную стрелку, она так и не сделала ни единого удара. Я готов был сверлить ее глазами и дальше, но меня отвлек тяжелый профессорский голос:

–Роман Сергеевич, что вы видите?

–Кресла, ножницы, зеркала, –перечислил я. –Много чего.

–А, теперь? –произнес Михаил Федорович и, сделал шаг ближе к витрине.

Я вздрогнул, когда перед моим носом, в считанных сантиметрах от меня пробежала девушка. Единственное, что я успел заметить это ее темные, как ночь, волосы. Мне даже показалось, что она еле заметно коснулась меня ими. Я посмотрел ей вслед, но, отбежав от нас на несколько метров, девушка исчезла.

Прошло несколько секунд. Улица вокруг нас наполнилась людьми. Они появляются из ниоткуда, и не обращая на нас внимания, проходят мимо или даже сквозь нас, после чего практически сразу растворяются в воздухе. Я лишь успеваю бросить взгляд на тех, кто проходит рядом со мной. Уткнувшись в свои телефоны, и, прячась под зонтами от редких капель дождя, прохожие спешат по своим делам. Наушники в ушах отгородили их от посторонних звуков, и никто из них не замечает того, что происходит вокруг. Разумеется, никому из них даже в голову не приходит, что в эту секунду рядом с ними стоят еще два... человека?

Я перевел взгляд на витрину. Сначала мое внимание привлекли надписи появившееся на стекле, но уже через секунду меня поглотило то, что происходит за витриной. Там все изменилось. Другими стали кресла, раковины, стены. Трое мастеров старательно делают прически своим клиентам, которые, вглядываясь в зеркала, следят за каждым движением парикмахеров. Эти люди даже не подозревают, что за ними сейчас смотрит... привидение. Да, именно это слово я искал. Ведь теперь я приведение? Мой взгляд устремился на профессора. На этот раз, я знаю, что мне не нужно повторять вопрос вслух, для того чтобы мой собеседник его услышал.

–Приведение? –повторил проводник, и легкая улыбка появилась на его лице. –Как вам будет угодно, Роман Сергеевич. Вы можете называть себя приведением, призраком, фантомом. Сути это не меняет.

После слов Михаила Федоровича, я вновь посмотрел вперед. На этот раз мое внимание привлекли часы. Еще недавно мирно покоившиеся стрелки теперь показывают 11:01, а секундная стрелка неторопливо отчитывает удар за ударом.

–Почти три часа прошло, –едва слышно произнес я, не отрывая взгляд от стрелок.

Михаил Федорович ничего не ответил. Он неподвижно стоит в полуметре от меня, так же как и я, рассматривая все то, что происходит в парикмахерской.

В следующий момент я невольно обратил внимание на то, что отражается в витрине. В ней я вижу проходящих мимо людей, вижу дома, расположенные на противоположенной стороне улицы, вижу, проезжающие мимо автомобили, но, не вижу себя...

Да, я понимаю, что мы не должны отражаться, но это как-то слишком уж странно, стоять напротив витрины, и не видеть в ней своего отражения. Ни силуэта. Ни контура. Ни блика. Ни малейшего намека на нас. Хотя, отражаться в витрине сейчас было бы еще страннее...

...отражение... мое лицо... багровая кровь...

Спустя мгновение очередное воспоминание настигло меня прямо у витрины.

Вот, я вижу, как неуверенными шагами направляюсь в сторону выхода из очень просторного, светлого помещения. Я точно знаю, что должен куда-то идти, но куда не помню.

Кажется, недавно меня терзала сильная головная боль, но теперь она отступила. Все же я стараюсь не поворачивать голову, боясь, что боль может вернуться.

Краем глаза я замечаю вокруг себя медицинское оборудование, и белые стены, как вдруг, передо мной, из ниоткуда, появляются врачи. Они не обращают на меня внимание, поэтому я, молча, прохожу мимо них.

До двери мне остается пройти всего несколько метров, но в этот момент что-то заставляет меня обернуться, и все перемешивается в кучу. Я только успеваю понять, что стою у двери ведущий из операционной. Все дальнейшее происходит словно во сне.

Врачи... Оборудование... Стены... Свет...

Как только мои глаза увидели того, кто лежит на операционном столе, мной овладел настоящий ужас.

Это я. Я лежу на столе.

Мои руки начинают дрожать.

...так вот что так напугало меня в больнице...

Снова воспоминания.

Я неуверенно останавливаю взгляд на багровых пятнах крови на своем лице, после чего делаю несколько шагов назад. Я вот-вот коснусь двери за моей спиной, но тут же вспышки, свет, коридор, врачи, больница. Все это с новой силой охватывает меня...

Я не знаю, видел ли последние картинки в операционной, или они появились здесь, когда я стоял перед витриной, но тяжелый голос проводника неожиданно вернул меня уже на пустынную улицу:

—Роман Сергеевич, вы готовы идти дальше?

—Да, -ответил я.

Конечно же, готов. Все уже давно готово к тому, что бы мы отправились дальше. Я не знаю, как давно опустела улица, по всей видимости, произошло это так же быстро, как и пришло в движение. Прохожие растворились в воздухе, исчезли мастера со своими клиентами, навсегда замолчали фены и ножницы. Мы вновь остались одни.

Михаил Федорович посмотрел на меня, и, убедившись, что и на этот раз, мое любопытство исчерпано, убрал руки за спину, и, молча, отправился дальше. Я в последний раз бросил взгляд на часы, и, увидев, что они вновь показывают 8:03, отправился вслед за профессором.

4. Дом

Спешить оказалось действительно некуда.

Размеренные шаги моего спутника, беззвучно уносят нас все дальше от витрины. И, пусть она осталась далеко позади, мимолетные голоса, случайно услышанные у ожившей парикмахерской, все еще призраками витают в моей голове. Но, не только эти призраки находятся сейчас здесь. Город, который нас окружает, тоже напоминает мне призрака. Призрак, того Питера, который я когда-то знал. Его брат близнец, нынче изменившийся до неузнаваемости, и молчаливо тоскующий по своим жителям, которые уже давно его покинули.

Да, после воспоминаний настигших меня у витрины, город заметно изменился. Конечно, все то, что я сейчас вижу сложно назвать Питером, скорее, так мог выглядеть абсолютно любой город, в котором я никогда не был прежде. Несколько раз я ненадолго останавливал свой взгляд на его фасадах, но совсем в них не вглядывался, однако любопытство все же взяло верх, и впервые за последние несколько минут, я отбросил все свои мысли и осмотрелся.

Мы все так же идем по улице, с обеих сторон которой, я вижу бессмысленную чехарду строений. Окружавшие нас многоэтажки никуда не исчезли, но, теперь большая их часть обзавелась новыми, более четкими деталями, а значит, некогда одинаковые дома, отныне ревностно стремятся отличиться друг от друга.

Сразу бросаются в глаза несколько новостроек, расположенные с обеих сторон улицы. Они так уверенно устремились к небу, что кажется стоит мне отвернуться, и эти бежевые великаны станут еще выше, оставив далеко внизу все прочие многоэтажки, которые итак достают новостройкам только до половины. Таких многоэтажек здесь достаточно много, и, практическая каждая из них, словно пытаясь защититься от своих более могучих братьев, облачилась в темно-зеленую и желтую чешую из балконов, которые находятся друг от друга на неестественно близком расстоянии.

В самом низу, у подножья многоэтажек, расположены еще строения. Они совсем невысокие, всего в несколько этажей. Друг от друга они отличаются только цветом стен, поэтому зеленые, желтые, коричневые, и красные фасада жадно вобрали в себя практически одинаковые оконные рамы, балконы, и лепнину.

Именно эти строения, между которыми втиснулись несколько двухэтажек из белого кирпича, а так же, привычные магазины с витринами, и образуют бесконечную улицу. Но, теперь я вижу, что вскоре эту цепочку нарушит, кажущаяся мне знакомой, желтая четырехэтажка на противоположенной стороне улицы.

Мой взгляд только коснулся ее фасада, однако уже в следующую секунду он перестал меня волновать, потому как, мои глаза заметили то, что я еще не встречал здесь, но, как оказалось, хотел увидеть не меньше, чем пропавших горожан. Сначала я не поверил своим глазам, но, приглядевшись еще раз, сомнений не осталось.

За четырехэтажкой я вижу перекресток.

Это самый обычный перекресток. Он выглядит точно так же, как и сотни других перекрестков, что я видел на улицах Питера. Может быть, поэтому, несмотря на то, что я впервые вижу это место, меня переполняет странная уверенность, что перекресток находится именно там, где и должен находиться. К тому же его столь долгожданное, но в то же время неожиданное появление, не вызывает у меня ни волнения, ни опасения, ни какого-нибудь иного тревожного чувства. Даже не работающие светофоры выглядят вполне естественно, словно найдя здесь умиротворение, они добровольно погасили свои сигналы, вместе с которыми, безвозвратно утихла и суматоха на этих улицах, а мирно покоящиеся пешеходные переходы давно догадались, что теперь по ним смогут пройти только двое. Я и проводник.

Как бы то ни было, с появившимся перекрестком это место стало больше напоминать улицы настоящего города. Даже магазинные вывески по ту сторону перекрестка засветились огоньками, что добавило до этого скучному городу больше... яркости.

Я улыбнулся. Едва не произнес фразу «больше жизни». Не знаю насколько слово «жизнь» уместно в отношении города появившегося после смерти, но все вокруг действительно сделало живительный вдох. Даже среди белых облаков появились серые, тяжелые тучи, которые добавили голубому полотну над нашими головами больше реалистичности.

Следующую минуту я шел, с интересом разглядывая город. Стоит отметить, что за это короткое время дома вокруг преобразились еще больше. Однако главное изменение произошло не с домами, а с самой улицей. Случилось это в тот момент, когда мы уже подходили к перекрестку, и, я, оторвав взгляд от желтой четырехэтажки, посмотрел вперед. Оказалось, что теперь улица не тянется к горизонту, а медленно поворачивает налево. И, пусть это происходит достаточно далеко от того места, где мы находимся, все же я могу разглядеть дома, которые расположись рядом с поворотом. Они, кажется, ничем не отличаются от тех строений, что нас сейчас окружают, разве что, метрах в ста до поворота, на противоположенной стороне улицы, я вижу незнакомое здание с колоннами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.